

СИНТАКСИС ТЕКСТА: ЕДИНИЦЫ И ИХ СВОЙСТВА

В калмыцком языкознании хорошо изучен синтаксис простого и сложного предложений. Наибольший вклад в эту область языкознания внесли известные синтаксисты У.У.Очиров и Г.Ц.Пюрбеев. Проблемы же лингвистики текста не только не исследованы, но и не ставились для обсуждения. В настоящей статье нами будут рассмотрены основные средства связи компонентов калмыцкого текста и способы соединения предложений в тексте. Так как синтаксис текста опирается на актуальное членение предложения, особое внимание в данной работе мы уделим компонентам актуального членения предложения, средствам актуализации и в особенности – порядку слов в простом предложении.

1. Актуальное членение калмыцкого предложения

Коммуникативный синтаксис на материале калмыцкого языка не разрабатывался в рамках монографии. Следует отметить, что в статьях таких синтаксистов, как Г.Ц.Пюрбеев, Э.У.Омакаева, В.Н.Мушаев, рассматривались отдельные аспекты проблемы. На материале халха-монгольского языка в 80-ые годы проблемы актуального членения предложения обсуждались в статьях З.К.Касьяненко, З.В.Шеверниной, М.Н.Орловской. К сожалению, в последующем интерес к коммуникативному аспекту изучения синтаксиса монгольских языков ослаб. Насколько нам известно, монографического исследования актуального членения предложения на материале ни одного из монгольских языков не было осуществлено.

1.1. Порядок слов

Основываясь на работах названных выше авторов, рассмотрим актуальное членение калмыцкого предложения в интересующем нас ключе. Основным средством актуального членения предложения в письменном тексте является порядок слов. При этом рема, как правило, следует за темой. В языках с фиксированным порядком слов большую роль играют актуализаторы, с помощью которых обозначается информация. В литературе отмечается то, что в калмыцком языке порядок слов таков, что сказуемое всегда занимает финальную позицию в предложении, это определяется законом регрессивного синтаксического подчинения. Согласно ему, стержневое слово следует за поясняющим. Основная роль в организации словосочетания принадлежит зависимой словоформе, управляемой главным словом. Так как в монгольских языках согласование как средство синтаксической связи слов не используется, то только порядок слов определяет целостность словосочетания. Изменение местоположения слова может разрушить словосочетание, ср: *модън гэр* - деревянный дом и *гэр – модън* - дом – деревянный. Здесь при первом словоупорядке сохраняется словосочетание, а при втором - разрушается его целостность.

§ 1. В калмыцком предложении центральным компонентом является сказуемое, которое, согласно принципу регрессивного синтаксического подчинения слов в монгольских языках, занимает финальную позицию: "постановка глагола в конце предложения связана с соблюдением в языке порядка слов определение - определяемое" (Серебренников, 1974, 310). Однако, как и в целом в лингвистике (Холодович, 1979, 249; Общее языкознание, 1972), вербоцентрическая теория признается не всеми монголистами. Так, известный синтаксист Т.А.Бертагаев полагает, что главные члены предложения являются исключением из названного выше правила: "поясняемое, подлежащее, находится перед поясняющим, сказуемым" (Бертагаев, 1964, 66).

Главенствующая роль сказуемого определяется тем, что предложение можно свернуть до одного сказуемого, "минимум монгольского предложения представляет собой

сказуемое" (Поппе, 1937, 8). Кроме того, сказуемому принадлежит главная роль в организации информационной структуры высказывания. На этом основании его называют "основным конститутивным членом предложения" (Бертагаев, 1964, 83; Шевернина, 1984, 156).

В старописьменном монгольском языке исследователи (Бертагаев, 1964; Орловская, 1980) фиксируют случаи нарушения традиционного финального положения сказуемого: подлежащее, выраженное личным местоимением, повторяется после сказуемого. С употреблением местоимений в этой позиции связывается хорошо известное еще со времен Боппа появление в языках лично-предикативных частиц. "С течением времени эти постпозитивные местоимения в результате частого появления в одном и том же положении на участке речи не ради своего лексического значения, а ради связи сказуемого с подлежащим потеряли свой стабильный звуковой состав и превратились в аффиксы сказуемости" (Закиев, 1963, 39). С этим можно согласиться, но как трактовать употребление в постпозиции к сказуемому обстоятельство и дополнений?

На такие случаи в свое время обратил внимание В.Л. Котвич: "забыв указать действующее лицо на своем месте, можно восполнить этот пробел уже по окончании фразы - на это указывает небольшая пауза...: *Усь авад, гэртэн ирве тэре күүкен.* - Взяв молоко, пришла домой та девочка. *Ясь авчь оад хайчквь кээрe.* - Взяв кость, выбросил в поле (Котвич, 1929: 360). Случаи перемещения разных членов предложения за сказуемое отмечены М.Н.Орловской в языке калмыцкого эпоса "Джангар" и в современном монгольском языке (Орловская, 1980; 1984). Вряд ли можно согласиться с приведенной выше трактовкой этих случаев, предложенной В.Л.Котвичем, гораздо большего внимания заслуживает функциональное объяснение.

Т.А.Бертагаев, проанализировав случаи помещения разных членов предложения за сказуемое в современном монгольском языке и в языке монгольских памятников (14-15 вв.), пришел к выводу, что "постпозитивное употребление подлежащего вызывается эмоциональной нагрузкой и смысловыми оттенками" (Бертагаев, 1964, 78). Как отмечено М.Н.Орловской, "постпозиция местоименного подлежащего ... указывает на слияние его со сказуемым, которое с относящимися к нему словами выступает как новое, то есть целиком является ремой" (Орловская, 1984, 101).

§ 2. Исходя из морфологических свойств языка, в частности, учитывая развитость морфологических показателей, благодаря которым в предложении легко определяются смысловые связи слов, можно допустить и возможность относительно свободного расположения слов. Анализ показывает, что в калмыцком языке наблюдаются две основные закономерности, управляющие расстановкой слов в предложении. С одной стороны, последовательно соблюдается закон регрессивного расположения слов в словосочетании в широком смысле. Это означает, что правы те исследователи, которые говорят о жестком словопорядке в монгольских языках. С другой стороны, размещение второстепенных членов предложения основано на смысловой важности заключенной в них информации, в зависимости от которой они могут перемещаться. Это подтверждает правоту другой группы исследователей. Так как расположение слов в высказывании основано на их информационном весе и перемещение слов диктуется коммуникативной важностью, вкратце рассмотрим актуальное членение простого предложения в калмыцком языке.

§ 3. Актуальное членение определяется ситуацией речи. Вместе с тем, можно говорить о зависимости актуального членения от факторов, содержащихся внутри предложения: формальной и семантической структуры предложения, а также его лексической наполненности. Универсальными средствами актуального членения признаются порядок слов, интонация, специальные частицы-актуализаторы. Некоторые исследователи считают, что между ремой и интонационным центром высказывания нет однозначной связи (И.П.Распопов, О.А.Лаптева, Т.М. Николаева). Другие в качестве основного средства выделения ремы называют интонацию (И.Ф.Вардуль, Е.В.Падучева, В.Е.Шевякова и др.). Представляется, что в устной речи действительно основным средством актуального членения является интонация, так как закономерности порядка слов в устной и письменной формах речи неодинаковы, как неодинаковы и условия речи.

Для монгольских языков, в которых сказуемое почти всегда занимает финальное положение, важно не столько "членение предложения на два коммуникативных состава, сколько распределение коммуникативной нагрузки между членами, не обладающими свойствами подвижности" (Ковтунова, 1976, 29). Актуальное членение в простом предложении не вызывает никаких сложностей, так как здесь порядок слов не может играть смыслоразличительной роли. Если в структуру П - С ввести любой другой член предложения (X), то в П - X - С и X - П - С член предложения, находящийся непосредственно перед сказуемым, будет выразителем новой важной информации, так как "глагол, как синтаксический центр и организатор предложения, находится в ядре высказывания, притягивая к себе те члены предложения, которые несут главную смысловую нагрузку" (Шевернина, 1984, 161).

Важным является следующее замечание З.В. Шеверниной: "препозиция прямого дополнения подлежащему (то есть порядок Пд - П - С) свидетельствует не об ослаблении коммуникативной значимости дополнения, а о том, что прямое дополнение называет объект, референт которого уже известен по ходу или ситуации речи до данного высказывания. В составе данного высказывания эта, уже известная, часть, последовательно развивая мысль предыдущего высказывания, становится предметом мысли, о котором и сообщаются определенные сведения. Начальная позиция прямого дополнения соответствует его функции исходного пункта, темы и превращает остальную часть предложения в ядро высказывания, ремю" (Шевернина, 1984, 161). Член предложения, находящийся в начальной позиции, передает уже известную информацию, осуществляет логическую связь нового в высказывании с предыдущим. Таким образом, позиционная связанность сказуемого, притягивающего к себе те члены предложения, которые несут новую информацию, позволяет рассматривать монгольское предложение как предложение, имеющее модель "охватывающих" определений, в которой "каждый сегмент предложения является ремой, по отношению к которому последующий сегмент является комментарием" (Swift, 1963, 172).

Сложнее обстоит дело в случаях, когда в предложении имеется два разных дополнения - косвенное и прямое. Встает вопрос, какой из двух возможных словопорядков (П - Пд - Кд - С; П - Кд - Пд - С) считать нейтральным, немаркированным, относительно которого перемещенный член будет признан ослабленным? Согласно Б.Х. Тодаевой, таким немаркированным является второй: П - Кд - Пд - С (Тодаева, 1968, 49). В этих случаях, как и в рассмотренных выше, подлежащее, начинающее предложение, сообщает уже известную информацию. Носитель новой информации (Пд) располагается контактно с конечным сказуемым. З.К. Касьяненко отмечено, что "прямое дополнение в позиции перед сказуемым, как правило, входит в группу, означающую новое о данном сообщении" (Касьяненко, 1973, 60). Итак, косвенное дополнение передает менее важную информацию по сравнению с прямым дополнением. Это выражается позиционно: отдалением менее важного члена от сильной предсказуемой позиции.

Размещение Кд и О также подчинено общему правилу, согласно которому тот член, который несет более важную информацию, будет тяготеть к предсказуемой позиции: *Тэре кун лавкась махь хулджь авчь*. - Тот человек в магазине мясо купил. Изменение коммуникативной важности слов будет сопровождаться изменением словопорядка. При этом позицию непосредственно перед сказуемым будет занимать тот член, который является носителем новой, важной информации. Перемещаться, таким образом, в зависимости от коммуникативной важности слов могут все члены предложения, кроме сказуемого.

§ 4. Как было сказано выше, иногда встречаются случаи нарушения закона финального положения сказуемого. Случаи нарушения основного закона порядка слов в монгольских языках засвидетельствованы еще в "Сокровенном сказании", памятнике 13 века. Следует сказать, что в целом для этого памятника характерен основной порядок следования слов в монгольском предложении, при котором сказуемое завершает предложение. В тексте "Сокровенного сказания" перемещение за сказуемое происходит не так часто, но встречается. Перемещается, как правило, подлежащее, выраженное личным местоиме-

нием: *Nokoceju odubaa bi 'Как друг поехал я'* (Козин, 1941, § 93); *Jogilduya keekdeju, Qurijin-gatun, Quurcin jirin-i icuaju okba bida*. - Так как извинились, вернули Хоричжинхатун и Хуурчин мы (Козин, 1941, §136). Здесь инверсия в конечную позицию используется для выражения актуального членения (тема-рема). Анализ контекста показывает, что данное актуальное членение определяется и всем контекстом. В тексте, кроме цепной контактной связи, при которой новое каждого предложения становится данным последующего, используется и параллельная связь:

Erte udur Merkit ireju, Burgan-ni gurban-da quuiulqui-tur, amin mino nikan-te abcu qaruluqa ċi. Edol basa qaliju bukui iisun-i amaar siminju, amin mino sentelba ċi. Basa kanqaju yanturin bukui-tur, amin-niyen oreju, daisun kuun-tur nidin-qara oröju, undan qanqaju amin mino oroulba ċi. - Некогда, когда нагрянувшие меркиты трижды облагали Бурхан, в первый раз спас мою жизнь ты. Теперь опять, отсасывая ртом засыхавшую кровь, спас жизнь мою ты. Снова, когда томили меня озноб и жажда, пренебрегая опасность для своей жизни, в мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив жажду, вернул меня к жизни ты.

В первом предложении новым является *ċi* - ты, а вся предшествующая часть - данным, которое определяется самой внеязыковой ситуацией и уже известно участникам разговора. Во втором предложении *ċi* - ты является данным, здесь вновь новое первого предложения становится данным последующего в силу контактной связи. Актуальное членение таково: рема-тема. В последнем предложении это распределение (рема-тема) остается без изменения благодаря параллельной связи предложений. Для определения актуального членения приведенных выше предложений необходимо использовать контекст, так как порядок слов во всех случаях одинаков. Это примеры контекстуального способа определения тема-рематического членения предложения.

Анализ случаев нарушения порядка слов в древнем памятнике показывает, что порядок слов, обнаруживаемый в современных монгольских языках, был характерен и для языка "Сокровенного сказания". Он выражается в следующем: по мере удаления слов от конечной позиции изменяется распределение информации от более важной к менее важной.

В целом, определение актуального членения простого предложения в калмыцком языке не представляет большого труда благодаря существованию разнообразных маркеров темы и ремы. В частности, позиционный способ помогает безошибочно определить рему, позиция ремы однозначна - перед сказуемым. Что же касается темы, то она маркируется иначе, прежде всего - лексически и морфологически.

1.2. Актуализаторы

§ 1. Выше говорилось о том, что в калмыцком предложении позиционно связано только сказуемое, остальные члены могут перемещаться в зависимости от коммуникативной важности заключенной в них информации. Средствами выражения актуального членения являются специальные актуализаторы: частицы *нь, л, болхла, гисен* и т.п. Они традиционно рассматривались в качестве показателей подлежащего, так как подлежащее в монгольских языках может выражаться не только формой основы (Бертагаев, 1972, 96; Касьяненко, 1968, 16). В работах последних лет они стали рассматриваться под другим углом зрения (Касьяненко, 1973; Орловская, 1984; Омакаева, 1985; Галсан, Грабарь, 1989).

Частицы в силу агглютинативности языка присоединяются к монгольскому слову в постпозиции. Они не имеют отдельного значения, но, присоединяясь к слову, придают ему и в целом всему высказыванию самые разнообразные значения. Частицы конкретизируют, индивидуализируют отдельное слово, уточняют семантику высказывания, связывают отдельное высказывание с теми событиями, которые излагались до и будут излагаться после него, а также могут формировать подтекст.

§ 2. Многие из современных частиц являются отглагольными. Например, частица *болхла*: *Аю болхла көвүге атхжъ авад, ө-шуһу модьн тал һарад гуүве*. - Что касается медведя, то он, схватив мальчика, побежал в сторону леса. Здесь сочетание имени с формой условного деепричастия глагола *болхъ* выступает в роли показателя темы со значением акцентированности данного грамматического субъекта, "что касается кого- или чего-нибудь" (Пюрбеев, 1977,132).

В такой же роли выступают частицы, образованные от глагола *гихе*: *Сүүдер гидегтен ииме юмьн бөөже - гихе туула санна*. - То, что называется тенью, вот, оказывается, что такое, - подумал заяц.

§ 3. Наиболее часто в целях актуализации используется лично-притяжательная частица *нь*. В монгольских языках посессивность может выражаться как притяжательными местоимениями, занимающими препозицию к определяемому слову, так и лично-притяжательными частицами, которые в отличие от первых находятся в постпозиции. Лично-притяжательные частицы восходят к притяжательным местоимениям, но вопреки основному закону расположения слов в монгольских языках они стали появляться в постпозиции к определяемому слову. Каковы были причины изменения их позиции, сегодня определить трудно. Возможно, их появление в данном положении связано с выражением значения конкретизации, индивидуализации, которое грамматически не выражалось. Дальнейшая их судьба известна: "оказавшись в синтаксически слабой позиции - после определяемого слова, - притяжательные местоимения утратили самостоятельное ударение, подверглись фонетической редуции, произошло ослабление грамматической атрибутивной связи и ослабление значения посессивности, притяжательная местоименная словоформа трансформировалась в лично-притяжательную частицу" (Шевернина, 1985, 398). О том, что в современных языках значение рассматриваемых элементов отошло от первоначального, свидетельствуют примеры следующего типа: *Түүндень хоосьн замьг харна*. - Там (= там-его, в сеть его) одна тина попалась.

Из современных монгольских языков, пожалуй, только бурятский и калмыцкий имеют в более полном объеме системы личных притяжательных и предикативных частиц. В современном халха-монгольском языке последняя не представлена, если не считать повелительной формы на *-аач*: *хараач* - смотри, где восстанавливается *ч > чи*. Если в бурятском и калмыцком языках личные притяжательные частицы еще используются, то в современном халха-монгольском языке система личного притяжания разрушается. Об этом свидетельствуют следующие факты. Показатель 1 л. ед.ч. *-минь* - мой используется в значении и ед., и мн. числа; показатель 2 л. ед. числа *-чинь* -твой нейтрален как в отношении лица, так и в отношении числа; показатель 1 л.мн.ч. *-маань* - наш совершенно утратил свое значение (Бертагаев, 1969, 22). Наконец, симптоматичным является то, что у частицы *-нь* во всех языках появилась особая функция - обозначение определенности. Бесспорно то, что она развилась на базе посессивного значения, поскольку посессивность - это "такое отношение между объектами внешнего мира, при котором один из них "включается" в другой, составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое" (Категория..., 1989, 44). Означает ли это начало разрушения системы личного притяжания в бурятском и калмыцком языках? Современные языки, в которых притяжательные частицы активно используются как в исходном, так и в развившемся позже значении, пока не дают основания для такого прогноза. Думается, что функционирование системы личного притяжания в этих языках "поддерживается" системой предикативных частиц. Однако, как известно, в бурятском языке и в последней прослеживается тенденция к разрушению: отсутствуют показатели 3 л. ед. и мн. числа.

Было высказано мнение о том, что частица *-нь* "обозначает не притяжательность, а выполняет функцию определенного артикля" (Касьяненко, 1973, 60); "лично-притяжательный показатель, выраженный частицей *-нь*, нередко теряет свою основную функцию личного притяжания и приобретает свойство уточнителя" (Цэдэндамба, 1971, 230). Случаи употребления *-нь* не только с именными частями речи, но и со словами, семантика которых не требует притяжательности, например, наречиями, подтверждают полифункциональность частицы *-нь*.

Рассмотрим следующий отрывок: *Сөөдөн өвгөн босад, кэр һалзън хуцан алад, хөөдин амьндь цугтаднь цусинь түркөд, махинь нохасть өгче оркад, тагчъг ирөд унтвь. Өрүндөнъ босхла, өвгнө хуцъ уга, хөөдин амьн ху цусън*. - Ночью старик, встав, зарезав овцу, намазав ее кровью рты овец, а мясо отдав собакам, молча придя, уснул. Когда утром встали, овцы нет, а рты у овец все в крови.

Наречия *сөөде* - по ночам, *өрүнде* - по утрам имеют значение неопределенной мно-

жественности. Наречия, оформленные частицей *-нь*, приобретают значение конкретности, определенности: не просто ночью и утром, а той же ночью и тем же утром. Благодаря этому они могут служить целям текстовой организации, связывая данные высказывания с теми событиями, которые предшествовали данному, направляют внимание слушателя к предшествующей информации. Высказывание с *сөөдөнъ, өрүндөнъ* требует контекста: нужно знать, что было до той ночи, до этого утра.

Максимально близко к пониманию текстовой функции частицы *-нь* подошли З.К. Касьяненко и Ц.Цэдэндамба, впервые отметившие сходство *-нь* с определенным артиклем, и З.В.Шевернина, предположившая, что "частицы личного притяжания ... являются, очевидно, точкой пересечения двух проблем: определенности и актуального членения высказывания" (Шевернина, 1985, 401).

Анализ функционирования частицы *-нь* показывает постепенное развитие у нее новых функций: от указания на личную принадлежность к выражению определенности и текстовой связи. Причину эволюции значения этой частицы Т.А.Бертагаев видел в "контаминации номинатива с нулевыми формами родительного и винительного падежей субъектного именного оборота" (Бертагаев, 1964, 260).

§ 4. Сема неопределенности в калмыцком языке выражается разнообразно. Вообще говоря, в монгольских языках категория определенности/ неопределенности не имеет специального грамматического показателя, такого, например, как артикль. Она функционирует как скрытая категория, для выражения которой язык использует имеющиеся средства разных языковых уровней: лексические, морфологические, синтаксические. Рассмотрим два наиболее часто используемых маркера неопределенности: безаффиксальную форму имени и слово *нэген* - один.

Прямое дополнение в монгольских языках может выражаться двояко: аффиксальной или безаффиксальной формой имени. Маркированность-немаркированность прямого дополнения соотносится с значением определенности / неопределенности и является особым способом выражения данного и нового в этих языках, известных как безартиклевые. "Прямое дополнение маркируется суффиксом аккузатива, когда речь идет о предмете вполне определенном. Когда же речь идет о предмете неопределенном, о котором речи не было, вместо винительного падежа употребляется форма неопределенного падежа" (Поппе, 1937, 55).

Категория определенности, как правило, соотносится с теми именами, которые представляют единичные объекты, выделенные из себе подобных предметов: имена собственные, географические, астрономические названия и т. п. Поэтому аккузатив "употребляется от имен собственных, от имен, обозначающих разные категории людей, а также имен, обозначающих предметы, о которых речь уже шла в предыдущих предложениях и которые поэтому являются совершенно определенными и конкретными, далее в тех случаях, когда при данном имени имеется определение в виде указательного местоимения" (Поппе, 1938, 123).

Категория неопределенности выражается безаффиксальной формой имени, "обозначающего неопределенную массу вещества (вода, зерно, хлеб, мясо), если о данном предмете не было речи в предыдущем контексте, если предмет не имеет при себе определяющих и конкретизирующих его характеристик. Особенно употребителен неоформленный падеж имен со значением неодушевленных предметов и животных" (Поппе, 1938, 126).

Такое соответствие между формой (аффиксальное/безаффиксальное имя) и содержанием (определенность/неопределенность) дало основание Б. А. Серебренникову выдвинуть теорию об артиклоиде, согласно которой, помимо артиклей с широкой сферой употребления типа индоевропейских, в ряде языков существуют артикли более ограниченной и узкой сферы употребления (Серебренников, 1949).

Артиклевой функцией, кроме аккузатива, обладает слово *бир* (тюркские), *нэген* (монгольские языки) — один, соотносимое с неопределенным артиклем индоевропейских языков. Об артиклевой функции слова *нэген* см. нашу статью в предыдущем выпуске сборника.

Безаффиксальная форма имени и слово *нэген* — один являются средствами выраже-

ния неопределенности, т.е. ремы. Таким образом, аффикс аккузатива, частицы *нь*, *болхла*, *гисен* и т. п. являются маркерами определенности, т.е. темы. Показатели определенности употребляются более регулярно, благодаря им отрезки речи связываются, превращаются в текст. Показатели неопределенности появляются реже, сигнализируя о новизне, важности информации. Неопределенность маркируется также позиционно. В монгольских языках, в которых нет специального артикля для обозначения категории определенности/неопределенности, для выражения этого значения используются другие средства, отражающие типологические особенности языка.

§ 5. М.Н.Орловская и З.В.Шевернина аналогичную функцию выделяют и в утвердительной частице *-л*: "с помощью частицы *-л* можно фокусировать как коммуникативно важный любой член предложения. Смысловое отношение к контексту новой информации, вносимой частицей *-л*, строится на значении противопоставления и подтверждения» (Шевернина, 1984, 163); "частица *-л* усиливает интонацию утверждения, выделяет и оттеняет значение слова, к которому относится, то есть является добавочным к интонационным средствам актуализации" (Орловская, 1984, 150).

Итак, целям актуализации в монгольских языках служат частицы, первоначальной функцией которых было выражение значения притяжания, усиления, выделения. Постепенное расширение сферы использования (они стали употребляться не только с теми словами, семантика которых допускала эти значения) привело к тому, что у них стала развиваться особая функция - текстовая.

2. Средства межфразовой связи и способы соединения предложений в тексте

§ 1. Структурным компонентом текста будем считать сложное синтаксическое целое (ССЦ), или сверхфразовое единство (СФЕ), понимаемое как "группа предложений, синтаксически объединенная различными средствами и способами", - единица, которая по сравнению с предложением более независима от окружающего контекста связной речи (Поспелов, 1948, 41). Группу предложений в СФЕ объединяет одна микротема, что придает предложениям формально-смысловое единство и завершенность. Контекст снимает многозначность толкования смысла в последовательности предложений ССЦ и позволяет опускать те отрезки речи, которые очевидны. Неполнота предложений, наряду с другими средствами, является показателем межфразовой связи. СФЕ отражает единую ситуацию или ее отдельные аспекты. К средствам межфразовой связи принято относить лексические и лексико-грамматические средства. Рассмотрим, какие средства межфразовой связи используются в калмыцком тексте. В качестве материала нами использованы тексты сказок (Хальмг туульс, 1961). Выбор материала обусловлен тем, что, на наш взгляд, в фольклорных прозаических текстах представлены все свойственные калмыцкому языку единицы и средства их связи.

§ 2. Связность текста может осуществляться благодаря повтору ключевых слов, раскрывающих микротему текста:

Дэгед холь һазърть удан йовчкад, көвүн муурад, нэге харь толһа дээре хонна. Өрүндень босън гихлө, сәәхен гидег бәәшен өөрень бәәдег болна. Бәәшен дотър орад ирхлө, өмнень дала күн, көвүге мана хаана көвүн оржъ аашна гинһөд, сүвдөд бәәшенгүр орулна. Көвүн орад, ольн-ольн үүдиге давхър, давхър татад, орад ирхлө, сәәхен, сәәхен гидег орън, түүнө хәверһде сәәхен гидег баран, баран дээре авдър, авдър дээре алтын такань суудг болна. Тигэд хан отхън харь күүкән көвүнде өгнө. Өнчен көвүн хаана отхън харь күүкинъ авад, амрад жирһөд бәәнө. – Юноша прошел долгий длинный путь, устал и заночевал на одном черном кургане. Как только утром он проснулся, рядом с ним оказался прекрасный дворец. Когда он вошел во дворец, множество людей приветствовало его как сына хана, и они завели его во дворец. Юноша вошел во дворец, открывая множество дверей, и увидел прекрасное ложе, рядом с ним - красивую подставку, на ней – сундук, на сундуке сидела золотая курица. Тогда хан отдал юноше в жены свою младшую дочь. Юноша-сирота, женившись на младшей дочери хана, стал жить-поживать в счастье и покое.

Ключевые слова текста (*көвүн* - юноша, *бәәшен* - дворец, *сәәхн баран* - красивая подставка, *авдър* - сундук, *отхън харь күүкән* - младшая смуглая дочь) позволяют свернуть текст. Опираясь на ключевую лексику, можно текст развернуть.

В любом СФЕ можно выделить слова, относящиеся к одному семантическому полю. Они также служат раскрытию микротемы текста:

Ахь ду хойър хулһннь бөөже. Эду-тэду жирһже бөөһэд, увлин сарь урһна. Ахь ду хойър өврелдэд, тэврелдэд хонна. Өрүндень сэрэд босад һархла, хулһнын хумса цасън орад бөөже. Хөрү дунь ирэд, ахдан кэлнэ: ахь нойһн баавь, һаза хулһнын хумса цасън орад бөөже, та амьр унтыт, би цасан күрздсев. Цась күрзджөһэд, нэге шаһан кире тось олжъ авад, тэре тосан авад, гэртөн оржъ ирнэ. - Жили-были две мыши. Жили-поживали, и вот наступила зима. Мышки, обнявшись, легли спать. А утром младшая, проснувшись, выйдя, увидела, что выпал снег. Младшая мышка, возвратившись, говорит старшей: "Уважаемая, на дворе выпал снег, вы, пожалуйста, отдохайте, я разгребу снег". Разгребая снег, она нашла кусочек масла и, взяв его, вошла в норку.

В приведенном СФЕ микротема "зима" реализуется словами *увлин сар* - зимний месяц, *өврелдэд, тэврелдэд* - обнявшись (от холода), *цасън* - снег, *цась күрздхе* - разгребать снег. Общим семантическим компонентом данной группы слов является "зима", "холод". Благодаря семантической общности слов, входящих в предложение, фрагменты текста связываются в одну единицу – микротекст. Итак, в любом тексте можно выделить группу слов, раскрывающих тему. Они формируют семантическую доминанту текста и служат его связности.

§ 3. К лексико-грамматическим средствам связи относятся различные средства анафоры. Будучи разными видами, они отсылают к предыдущему тексту и тем самым скрепляют компоненты одного гипертекста. Это довольно большая группа слов, семантика которых допускает замещение предшествующего текста. К ней прежде всего относятся местоимения:

Кэзэнэ уть шарһ мөртө Улажин Мэрген гидег баатър бөөже. Эне дэгед сэн залу болад, эжго эрме цаһан көдөде, эке ду күүкен хойъртаһан бөөдег бөөже. Бийень гэртөн бөөдго, дангин аң шову харвад йовад йовдъг бөөже. - Давным-давно жил-был богатырь по имени Уладжин Мерген, у которого был высокий соловый конь. Он был очень хорошим юношей, жил с матерью и сестренкой в безлюдной степи. Сам дома не сидел, всегда охотился на животных и птиц.

В составе анафорических выражений при повторной номинации в тексте используются определенные классы имен. Например, наименования речевых актов:

Танла би зарһцнав. Не, йовий, зарһан очь кэгулий. - С вами я буду судиться. Давай пойдем для разрешения в суд.

§ 4. К грамматическим средствам связи относится порядок слов, отражающий особенность тема-рематического членения предложений в СФЕ:

Эмген өвген хойър дакад нэге хонвь. Хонсън һазьртънь // алгч гүнь унһълвь. Альг унһън // һарвь. Тэре унһънь // көкөн көкел уга хөрү гүүһэд һарвь. - Дед и бабка переночевали еще один раз. Там, где ночевали, // пестрая кобыла ожеребилась. Пегий жеребенок // появился. Тот жеребенок // не стал сосать молоко кобылы, убежал.

В данном случае представлена простая линейная последовательность предложений, образующих СФЕ. Здесь рема первого предложения становится темой последующего. В качестве средств связи цепной разновидности тематических последовательностей могут использоваться союзы, наречия, слова широкой семантики, отсылающие к предшествующему контексту, чрезвычайно активно употребляются различные анафорические замены (прежде всего местоименные слова). Рассмотрим следующий текст:

Кэзэнэ бөөже. Кэр һалзън хуцта Кээдө гидег өвген бөөже. Эне угатя өвген // һанцхън һалзън хуцан унад, хааһарънь цокад хавшулад, һуярънь цокад һувшулад һарад йовна. Зуурънь гэнткен нэге хумха даль кэвтже. Цагть маһьд уга, кэрегтө чиген болад бөөдег, - гигэд далыгъ // өвген хавтхълчкад һарвь. Асхън бүрүл дахад өвген // нэге байна хотъндь ирэд, хуцан уйчкад, гэрте орад ирхлэ, байнахън цөөһөн уужъ бөөнэ. Өлссен өвгенде // цөөһөсен күн өгсен уга. Мал хотъндь орсън хөөне байнахън бась махан чанвь. Эне махнасън // бась өгеш уга бишев, - гиже санжаһад, би нэге бичкен махтав, түүгөн чанжъ идхе хөөсе өгит, - гиве. Тиигхлөнь, - мана махънла чанад иде гиже байһн кэлве. - Было это давным-давно. Жил старик по имени Кедея, у которого был

облезший баран. Этот бедный старик, // оседлав своего единственного барана, постукивая по его бокам, отправился в путь. Вдруг (увидел), что на дороге лежала засохшая лопатка. "Времена всякие бывают, может, и понадобится", - подумал и лопатку // старик положил в свой карман. Когда стемнело, старик // вошел во двор одного богача, привязал свою овцу, когда он вошел в дом, семья богача пила чай. Проголодавшемуся старику // никто не предложил чай. После того как скот загнали во двор, семья богача стала еще варить мясо. "Опять они не угостят своим мясом, - подумав так, - у меня тоже есть небольшой кусочек мяса, дайте чугунок, чтобы его сварить", - сказал он. Тогда: "Свари вместе с нашим мясом и поешь", - сказал богач.

В данном СФЕ использованы разные показатели темы и ремы. Показателями темы являются местоимения *эне*, *түүгэн*, аффикс винительного падежа *-иге*, притяжательный аффикс *-ан/-эн*, слова, замещающие содержание предшествующих высказываний (*ти-игхлэнь*). Как видим, показатели темы разнообразны. Показателями ремы является числительное *нэге(н)*.

§5. Второй разновидностью тематических последовательностей являются последовательности с константной темой, при которой рема первого предложения повторяется в последующих предложениях как их тема:

Эмген өвген хойър бөөже. Нэге дакжъ өвгиге // гэртэсен һарчъ йовхла, нэге итлег шовун шаазһагъ шүүрэд, ташъртан һазъртъ унад оддъг болна. Өвген // үкес гиһэд, ителгиге үргәһэд, шаазһагъ ханцулад авна. Итлегте шүүрүлэд, өрвелһөн үмтәһсен, өрө әмтә шаазһагъ өвген // гэртән авчъ ирнә. Шовун болвъ чиген әмтә юмьнльм гигәд, эмген өвген хойър // шаазһагъ асрад бөөнә. - Жили-были старик со старухой. Однажды, когда старик // выходил из дома, балобан схватил сороку, и они оказались на земле. Старик // быстро отпугнул балобана, вырвал сороку. Старик // принес домой еле живую сороку, которую потрепал балобан. "Хотя и птица – живое существо", - подумав, старик со старухой // стали ухаживать за сорокой.

Кроме этих основных тематических последовательностей предложений, возможна последовательность с производными темами. В таком случае реализуются различные производные одной гипертемы, которая может вводиться предварительно или имплицитно может содержаться во всех производных:

Кэзәнә нэге мэклә шорһължън хойърнәөже болцхажъ. Сән-сәәхен нәәжнер болад бөөцхәнә. Мэклә зунъ дуусън мэл нәр-наадъ кәһэд бәәдег болна. Шорһължън мэл зунъ дуусън кәделмшин ардъ орад, хотан зөөһэд һарна. Гәнткен үвел болна. Мэклән гәсень өлснә, бийень даарна. Иден гихлә, иддег хотъ уга болна. Зөвәр түрэд бәәдег болна. Шорһължън нәәждән күрэд ирнә. - Давным-давно было, подружались лягушка и муравей (гипертема). Жили-поживали, став хорошими друзьями. Лягушка все лето прогуляла. Муравей все лето работал, делал запасы еды на зиму. Нежданно-негаданно наступила зима. Лягушка проголодалась, замерзла. Хочется ей есть, а есть нечего. Стало ей довольно трудно. Пришла к своему другу муравью.

В этом ССЦ гипертема (дружба муравья и лягушки) называется в первом предложении. Субститут разъясняется в последовательности предложений, следующих после первого.

Средствами связи предложений, образующих ССЦ, могут служить союзы, союзные слова, обстоятельства, выраженные местоименными наречиями. Они занимают позицию начала предложения:

Түүнә хөөне экдән ирэд - эне һурвьн көвүн намагъ харъ яста күн - гиге кэлве, тәре үнений, - гиге хан сурвь. - Кэзәнә эцегчень дөөнде йовад өңгерже одла, тэгәд тохъм тасълшгоһар сэдәд, харъ күүнлә нэгдәд, чамагъ һарһжъ авлав, - гиге экень хөрү өгве. - После того хан пришел к матери и спросил: "Правда ли то, что эти трое называли меня простолюдином?" – "Давно твой отец погиб на войне, поэтому, не желая прерывать род, я родила тебя от простолюдина", - ответила мать.

В этом вопросно-ответном единстве скрепами выступают слова *түүнә хөөне* - после того (необходимо знать, что было до этого, с этого предложения текст начинаться не может) и *тэгәд* - поэтому (*тэгәд* может замещать предшествующее предложение *Кэзәнә эцегчень дөөнде йовад өңгерже одла*. - Давно твой отец погиб на войне.).

§ 6. В качестве важнейшего грамматического средства связи выступают формы грамматического времени, отсылающие события к одному и тому же отрезку времени или указывающие на последовательность событий при смене временной перспективы текста:

Һурвѣн көвүтə Живде өвген насънь ирэд гэмтнə. Һурвѣн көвүнь арһан нөөл уга, эмче болһндь үзүлнə. Насънь ирсен өвген улъм гəмень икдэд зовад, үкхедən өөрдэд ирнə. - Старик Дживдя, у которого было три сына, состарившись, заболел. Его три сына, не жалея усилий, показывают его всем лекарям. Годы, состарившие его, еще больше прибавили болезни и страданий старику, приблизили смертный час.

Логические отношения между предложениями СФЕ передают обстоятельства места, времени, причины, условия, уступки:

Нəге дакжь заһсчь өрүн өрлө заһсь бəрхөр һолур һарад йовльг болна. Һолдь күрчкəd, гəлмən хайъм цацунь заһсн тордьг болна. Заһсан авад байьртаһар гэрүрен ирнə. Энүнə гəрген байьрлад, гəлєңгиге наартн гилгүлнə. Гəрген заһсь чанна, залунь гəленгүр одна. Залугь гəленгүр одсна ардьнь, гəргень заһсан амсжь үзнə, заһсн йир əмтəхен болжь мэдэгднə. Нəге заһсинь идечкнə. Дакад идхе дурньн күрнə, дакад нəгинь идчкнə. - Однажды ранним утром рыбак направился к реке, чтобы порыбачить. Добравшись до реки, как только он забросил невод, тотчас наловил рыбу. Взяв рыбу, радостный, он возвратился домой. Жена обрадовалась и послала за гелюнгом. Жена стала варить рыбу, муж пошел к гелюнгу. После того как муж отправился за гелюнгом, жена попробовала рыбу, она показалась ей очень вкусной. Она съела одну рыбу. Ей захотелось съесть еще, она съела еще одну.

Следует отметить, что данный способ передачи грамматической межфразовой связи активно используется в текстах. Этому способствуют деепричастные обороты, широко представленные в калмыцком языке, которые указывают на последовательность действий и событий.

§ 7. Важными средствами логической организации текста являются вводные конструкции. Они сигнализируют о порядке следования событий, обобщают сказанное, служат передаче логических связей текста и созданию связности СФЕ:

Нəге орын-нутгин хаана түшмел болжь Зара гидег күн бəəже. Хаана түшмел Зара долан наста көвүтə бəəже. Нəге дакжь бийинень альвтасънь хааһар хаһльгдхь һурвѣн зусен зарһь оржь ирдег болна. Нəгдөгчө зарһнь: ике удан гэмтə кэвтəd, шинхен чинən оржасн цагтньн гəрин өөгүр аду көөсенде, тэре адуна көлин көндрелһнəсе эдгөжəсен күн үкжө одвь гисен зарһь болна. Хойьрдьгчнь: нəге аңһучь, нуурть суусн нуһсь үзчкəd, баглърхинь күлəһəd, зуухан малтад, һалан түлэд суутльнь, талдан аңһучь тэре нуһсинь хаһадавчквь гисен зарһь болна. Һурьвдьгчнь: нəге эмген өвген хойрин һанцхн көвүн цэрегте олад хөрү ирхлəнь, мэл тэре көвүнлөнь йилһже авчь болш уга əдел көвүн дахжь ирнə. Тэре хойьр көвүн хоюрн би тана көвүмб больлдна. Эмген өвген хойрин көвүге олхь зарһь болна. Эне һурвѣн зарһиге хан йилһже ядад, эврəнен түшмел Зарадь тасльтха – гижө илгənə. Түшмелень тэре зарһинь хаһльжь ядад, сə болһн зовад, унтль-кэвтел уга саначьрхад бəənə. Эцгən тигэд зовньжəхинь мэдəd, Заран долан наста көвүнь: Аавь, юундь зовад саначьрхад бəənət? – гижө сурна. - Жил человек по имени Зара, который служил сановником хана одного государства. У этого сановника Зары был сын-семилетка. Однажды во владениях хана возникли три тяжбы, которые он должен был разрешить. Первая жалоба: только что начавший поправляться после длительной и тяжелой болезни человек скончался из-за стука копыт лошадей, которых прогоняли мимо дома. Вторая тяжба: когда один охотник, увидев утку, сидящую на озере, развел огонь и ждал, пока утки слетятся, другой охотник застрелил ту утку. Третья: когда после службы вернулся единственный сын старика со старухой, с ним вместе приехал другой юноша, которого невозможно было отличить от сына. И тот, и другой назвался сыном этих стариков. Тяжба заключается в том, чтобы определить, кто из них настоящий сын. Хан сам не смог разрешить эти три тяжбы и повелел это сделать своему сановнику Заре. Сановник, не сумев разрешить эти тяжбы, все ночи не спит, озабочен. Видя страдания своего отца, сын-семилетка Зары говорит: "Отец, что Вас беспокоит и тревожит?"

Благодаря вводным элементам данный текст приобретает логичность, последователь-

ность, стройность. Замена вводных компонентов или исключение их приведет к нарушению логики изложения и последовательности событий, о которых говорится в предложениях, или к искажению смысла.

Неполнота предложений и эллипсис также служат важными грамматическими средствами межфразовой связи. Отметим, что в текстах сказок это средство используется редко.

§8. Выше были рассмотрены разные средства межфразовой связи и способы соединения предложений в СФЕ. Сейчас покажем, как реализуются все названные элементы в следующем СФЕ:

Эцкень өнгернө. Түүнө хөөнө кэсег жил болад, хурвн көвүнө мальнь чилнө. Тигэд одакъ өнгержөһэд эцгинен кэлсен "хурвн уласън" гисен үге отхн көвүнөнень санандь орвь. Тэре кэвтэн хойър ахинен нүде гэтже бөөһэд, көвүн гүүже одад, хурвн уласна йозур малтна. Түүнэсень мөрнө толһан чингэ "эрдни" харна, түүгэн авчкад, оръмднь хурвн жил болсън һазрин көрсе урһачкна. - Их отец умер. После этого через много лет кончается скот трех сыновей. Тогда на ум младшего сына приходят слова "три тополя", сказанные умирающим отцом. Юноша в тайне от своих двух братьев копает у корней трех тополей. Там оказались сокровища величиной с лошадиную голову, взяв их, юноша нарастил на месте дерн трехлетней давности.

Первое предложение осуществляет переход к новой микротеме — события после смерти отца. Средствами межфразовой связи являются повторы (*эцге, көвүн*), анафорические замены (*эцге — түүнө, уласна йозур — түүнэсень, эрдни — түүгэн*), слова одной тематической группы (*уласън, уласна йозур, һазрин көрсе*), слова с общим семантическим компонентом (*көвүн, ахъ*), формы сказуемых, указывающие на то, что события имели место в определенный промежуток времени в прошлом (*өнгернө, чилнө, малтна, урһачкна*). В качестве средства межфразовой связи используются также наречия *тигэд, тэре кэвтэн*. Местоименные замены, формы сказуемых сигнализируют о том, что связываются компоненты текста с помощью цепной связи. Семантической особенностью данного СФЕ является передача динамики действия. Значит, в данном ССЦ представлена акциональная рематическая доминанта. Семантический тип текста — последовательность действий. Приведенный выше текст можно отнести к акциональному типу ССЦ.

Целью настоящей статьи было выделение на материале классических прозаических текстов, к которым мы относим фольклорные, основных средств межфразовой связи и способов соединения предложений СФЕ. Предметом будущих исследований должно стать выделение и анализ основных типов ССЦ и их рематических доминант.

Использованная литература

1. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969.
2. Бертагаев Т.А. О сегментации или членении предложения // Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.
3. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
4. Галсан С., Грабарь И.А. Учебник монгольского языка для иностранцев. Улаанбаатар, 1989.
5. Есенова Т.С. Интонация в системе выразительных средств калмыцкого языка // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. М.-Элиста, 2002. С.30-48.
6. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Казань, 1963.
7. Касьяненко З.К. О формальных средствах смыслового членения предложения в современном монгольском литературном языке // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1973.
8. Касьяненко З.К. Современный монгольский язык. Л., 1968.
9. Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
10. Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

11. Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.
12. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
13. Мушаев В.Н. Калмыцкое предложение в аспекте актуального членения (на материале фольклора и произведений калмыцких писателей) // Теегин герл. № 4, 1996.
14. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
15. Омакаева Э.У. О категории "подлежащее" в монгольском языке // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985.
16. Орловская М.Н. Набор порядков слов в простом повествовательном предложении и некоторые способы актуализации членов предложения в современном монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
17. Орловская М.Н. Функции порядка слов в монгольских языках // "Джангар" и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980.
18. Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1948. Вып. 137.
19. Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938.
20. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937.
21. Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1977.
22. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
23. Серебренников Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. М., 1949.
24. Хальмг туульс. Элст, 1961.
25. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
26. Цэдэндамба Ц. Монгольское причастие на -х с некоторыми частицами // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
27. Шевернина З.В. Некоторые наблюдения над актуальным членением предложения в монгольском языке // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.
28. Swift L. A reference grammar of Modern Turkish || Uralic and Altaic Series. 1963. Vol. 19.